

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ОБРАЗОВ ПЕРВОЭЛЕМЕНТОВ БЫТИЯ В РЕЧИ Н. ГУМИЛЕВА И В. ХЛЕБНИКОВА

В статье проанализировано метафорическое концептирование образов воды, огня, земли и воздуха. Основная идея заключается в соотношении ведущих типов переосмыслений с общей направленностью авторских поэтических систем.

Ключевые слова: концептуальная метафора, художественная речь, образ, поэтический текст.

В современной парадигме языкознания – лингвистической когнитологии, ориентированной на восприятие языка через призму теории познания, – концептуальная (когнитивная) метафора считается одной из форм концептуализации, которая выражает и формирует новые понятия. Эта теория базируется на утверждении Дж. Лакоффа и М. Джонсон, что метафора является основным средством нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа [8, с. 267].

В целом, взгляд современных лингвистов на позицию переосмысления заключается в понимании ее как взаимодействия не столько отдельных значений (как минимальных когнитивных структур), а более крупных когнитивных образований – «внутри тематической группы каждое метафорическое употребление слова является результатом использования одной или нескольких когнитивных моделей, набор которых для каждой тематической группы ограничен» [7, с. 7].

Исследователями отмечается, что, помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептирующую функцию, которая основывается на «их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий» [3, с. 65]. Постановка вопроса о метафоре как средстве формирования концептов стала возможной благодаря теории интеракции (interaction theory of metaphor), рассматривающей метафору как взаимодействие двух участвующих в ней сущностей – обозначаемого и образного средства. Эта теория, разработанная первоначально И.-А. Ричардсоном и М. Блэком, пытается ответить на вопрос о том, каким образом их взаимодействие приводит к формированию нового смыслового комплекса. Подобное взаимодействие, как подчеркивают сторонники теории интеракции, несводимо к простой механической сумме. М. Блэк, исследуя преимущественно мыслительные операции, лежащие в основе метафорического наименования, для объяснения механизма взаимодействия ввел термины «система ассоциированных общих мест» и «фильтр» (system of associated commonplaces, filter). Предполагается, что «ассоциативная система вспомогательного компонента метафоры выявляет в ее обозначаемом изоморфную себе структуру», а фильтр «“просеивает” и допускает в метафорическое значение только те признаки обоих компонентов, которые согласуются друг с другом» (цит. по [3, с. 68, 69]).

Итак, анализ переосмыслений по логико-лингвистической оси псевдотожества, в формировании которых «задействованы универсальные, идиоэтнические и индивидуально-личностные элементы внутреннего лексикона» [2, с. 1], показывает, что их значения формируются на основе взаимодействия двух составляющих – обозначаемого и образного (вспомогательного) средства. При этом именно первое задает направление переосмысления в зависимости от намерения автора – обозначить определенную грань непредметного объекта, поскольку «глубину концептуальной метафоры можно охарактеризовать как *способность высвечивать важные для обозначаемого концепта признаки* (курсив наш. – О. П.)» [3, с. 72]. Данный тезис является для нас основанием при рассмотрении в речи Н. Гумилева и В. Хлебникова переосмыслений по логико-лингвистической оси псевдотожества сквозь призму первоэлементов бытия (с обозначаемым – одним из первоэлементов – вода, земля, воздух, огонь) с целью выделить типичные (и показательные) авторские модели.

Следует отметить, что количество фиксаций анализируемых образов в речи Н. Гумилева в позиции переосмысления достаточно мало, что позволяет ниже описать их все (приведены по степени нисходящей активности).

Вода – 18 переосмыслений:

- *река* → *рамка* («Над высокою горою Поднимались башни замка, Окруженно-го рекою, Как причудливою рамкой» [1, с. 129]), *волны* → *стены* («Кругом вставали волны – стены, Спадали, вспенивались вновь...» [1, с. 107]), *море* → *щит и мощь* («А море синей пеленой Легло вокруг, как мощь и слава Италии, как щит святой Ее стариннейшего права» [1, с. 247]), *волна* → *гора* («Ты (Красное море. – О. П.) бессильно над ним. Пусть ревет ураган, Пусть волна, как хрустальная встанет гора...» [1, с. 302]);

- *волны* → *звери* («Слишком долго мы были затеряны в безднах, Волны – звери, подняв свой мерцающий горб...» [1, с. 162]), *водопад* → *единорог* («И водопад белел во мраке, точно Встающий на дыбы единорог» [1, с. 292]), *волны* → *змеи* («Закат. Как змеи, волны гнутся, Уже без гневных гребешков...» [1, с. 175]);

- *буруны* → *струны* («Ах, к икре с презубцем Нептуна, С косами диких nereид В час, когда буруны, как струны, Звонко лопаются...» [1, с. 229]), *море* → *арфа* («От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит, Как Эолова арфа, поверхность твоя (Красного моря. – О. П.)» [1, с. 303]);

- *море* → *небесный свод* («И огнями бенгальскими сразу мерцать Начинают твои колдовские струи, Искры в них и лучи, словно хочешь создать, Позавидовав небу, ты звезды свои» [1, с. 303]), *вода* → *солнце* («И с утеса в бурливое море прыгнул, И тонул он в воде, а, казалось, в сияньи Золотого закатного солнца тонул» [1, с. 322]);

- *озеро* → *чашка* («Спокойно маленькое озеро, Как чашка, полная водой» [1, с. 295]), *море* → *эмаль* («Как эмаль, сверкает море, И багряные закаты...» [1, с. 243]);

- *волны* → *шатуны* («Как учитель среди шатунов, иногда Океанский проходит средь них (волн. – О. П.) пароход...» [1, с. 302]), *водопад* → *седая борода* («И дивны эти неземные лица, Чьи кудри – снег, чьи очи – дыры в ад, С чьих щек, изрытых бурями, струится, Как борода седая, водопад» [1, с. 283]);

• туман → сон («Беспокоен смутный сон растений, Плавают туманы, точно сны...» [1, с. 128]);

• море → суша («Он печален, этот человек, По морю прошедший, как по суше...» [1, с. 209]).

Земля – 5 переосмыслений:

• остров → звезда («О тайна тайн, о птица Рок, Не твой ли дальний островок Им был звездой путеводной?» [1, с. 183]);

• земля → тело человека («О пути земные, сетью жил, Розой вен вас Бог расположил!» [1, с. 203]);

• земля → друг («Иль не знаете вы: завоевана твердь, К нам склонилась земля, как союзник и друг» [1, с. 107]);

• земля → ядро (груз) («...И шар земной мне сделался ядром, К какому каторжник прикован цепью» [1, с. 328]).

Воздух – 3 переосмысления:

• ветер → конь («Буйный ветер в пустыне второй властелин, Вот он мчится порывами, точно Средь высоких холмов и широких долин Дорогой иноходец восточный» [1, с. 308]), вой ветра → вой волка («Да ветра дикая заплачка, Как отдаленный вой волков, Да над сосной курчавой скачка Каких-то пегих облаков» [1, с. 178]);

• воздух → вино («Как вино, впивал он воздух сладкий Белому неведомой страны» [1, с. 325]).

Огонь – 2 переосмысления:

• огонь → ветер («И в твоей лишь сокровенной грусти, Милая, есть огненный дурман, Что в проклятом этом захоластует, Точно ветер из далеких стран» [1, с. 330]);

• огоньки → цветы («И на небе огоньки повсюду, Как цветы весною на болоте» [1, с. 349]).

Итак, сквозь призму первоэлементов бытия действительность концептируется Н. Гумилевым преимущественно через переосмысления анимального (волны → звери, волны → змеи, водопад → единорог, ветер → конь, вой ветра → вой волка), антропоморфного (волны → шалуны, водопад → седая борода, земля → тело человека, земля → друг) и космологического происхождения (море → небесный свод, вода → солнце, остров → звезда, волна → гора, огонь → ветер, огоньки → цветы, море → суша).

Количество фиксаций анализируемых образов в речи В. Хлебникова в позиции переосмысления разнится в каждом из образов и по количеству, и по степени монолитности моделей, а потому ниже они описаны все (приведены по степени нисходящей активности).

Вода – 20 переосмыслений:

• вода → человек (преимущественно женщина) («И много невестнейших вдов вод Преследовал ум мой, как овод...» [6, с. 101], «Волны скачут лата-тах! Волны скачут а-ца-ца! Точно дочери отца» [6, с. 129], «Матери ливнем любимей – Лужа-дитя» [6, с. 122], «Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь Стеклянных матерей и дочерей Рождения водопада, где мать воды и дети менялись местами» [6, с. 148]) либо атрибут человека – взор, обувь, волосы, руки и под. (синекдохический

вариант) («Со мной разговаривал пен пан И взора озерного жемчуг Бросает...» [6, с. 101], «Так хотела бы водица Убегать и расходиться, Чтоб, ценой работы добыты, Зеленее стали чеботы, Черноглазые, ея» [6, с. 78], «Где, как волосы девиц-ны, Плещут реки, Там в Царицыне...» [6, с. 104], «Реки вливались в море так, Что казалось: рука одного душит шею другого» [6, с. 72], «Отсюда море кажется Выполощенными мозолистыми руками в синьке» [6, с. 48], а также [6, с. 96, 118, 142]);

- вода / море → артефакт («Ночи запах – эти звезды В ноздри буйные выдыхая, Где вода легла на гвозди Говор пеной колыхая...» [6, с. 145], «Где моря широкий уступ В широкую бездну провалится, Как будто казнен Лизогуб И где-то невеста печалится» [6, с. 134], «И воды носятся вдали, Уж покорены небесами. Так головы, казненные Али, Шептали мертвыми устами Ему, любимцу и пророку, Слова упорные...» [6, с. 134]);

- вода → змея («Мчась, как узкая змея, Так хотела бы струя, Так хотела бы водица Убегать и расходиться...» [6, с. 78]), волны → собаки («Волны, синие борзые, Скачут возле господина...» [6, с. 130]), волны → рыбы («А волны, точно рыба, В чужуном кипятке...» [6, с. 172]);

- гроза → птица («И грозы стаями летали В тебе, о, медня леса» [6, с. 97]);

- вода → камень («Когда вода – широкий камень... Мы говорили – это лед» [6, с. 121]).

Воздух – 8 переосмыслений:

- воздух → птица («И грозы стаями летали В тебе, о, медная леса...» [6, с. 97], «...А облако – лебедь, Усталый устами» [6, с. 109]);

- воздух → человек («В тучах облако и мра Белым баловнем плывут» [6, с. 129], «Пусть сосны бурей омамаены...» [6, с. 99]);

- воздух / ветер → животное («Ветер лапою медвежьей Нас голубит, гладит, нежит» [6, с. 130], «Буря носит волчком, По-морскому бога хая» [6, с. 130]);

- воздух → жидкость («Вы пили теплое дыхание голубки...» [6, с. 118]);

- ветер → артефакт («Ветер – пение Кого и о чем?» [6, с. 112]).

Земля – 7 переосмыслений:

- земля → человек («Цветы обступили его (камень. – О. П.), как учителя дети...» [6, с. 58], «...И, как усопшая, лежала Кругом широкая земля» [6, с. 73]) либо обувь человека (синекдохический вариант) или предмет мебели человека (метонимический вариант) («В ненастье любят гуно, Земля сырая – обувь» [6, с. 51], «С досок старого дощаника Я смотрю на травы дна, В кресла белого песчаника Я усядуся одна» [6, с. 90]);

- земля → атрибут смерти («Увидел я камень, камню подобный, под коим про-рок Похоронен...» [6, с. 58]);

- земля → атрибут вечности («...Где камня временем, Где время камнем» [6, с. 44]);

- земля → неведомое чудовище («...Грознокрылат, полуморской, Над морем островом подьемлет хвост, Полунеземной объят тоской...» [6, с. 58]).

Огонь – 7 переосмыслений:

- огонь → зверь («Белым поленом кормил тебя, Дровядного зверя огня» [6, с. 108], «После дико бросался и грыз, гривой сверкнув золотой, Грудю полен сребро-

рунных, То глухо выл, пасть к небу подыав...» [6, с. 108], «Он, желтозарный, ... то ложился кольцом, как собака, В листе черного дерева мрака» [6, с. 108]);

- огонь → смерть или ее неизменный атрибут («Он, желтозарный, то прятался смертью За забор темноты...» [6, с. 108], «Жгучи свободы глаза, Пламя в сравнении – холод!» [6, с. 112]);

- огонь → птица («И тогда его (огня. – О. П.) глаз нам поведал про оперение синего зимородка» [6, с. 108]);

- огонь → красавец («Утеса каменные лбы, Что речкой падали, курчавясь, И окна северной избы – Вас озарял пожар-красавец» [6, с. 97]).

Итак, сквозь призму первоэлементов бытия действительность концептируется В. Хлебниковым преимущественно через переосмысления антропоморфного (вода → человек (преимущественно женщина) либо атрибут человека – взор, обувь, волосы, руки и под. (синекдохический вариант), воздух → человек, земля → человек либо обувь человека (синекдохический вариант) или предмет мебели человека (метонимический вариант), огонь → красавец), анимально-орнитального (вода → змея, волны → собаки, волны → рыбы, гроза → птица, воздух → птица, воздух / ветер → животное, земля → неведомое чудовище, огонь → зверь, огонь → птица) и артефактуального происхождения (вода / море → артефакт, ветер → артефакт, земля → атрибут смерти, земля → атрибут вечности, огонь → смерть или ее неизменный атрибут).

Таким образом, анализ переосмыслений по логико-лингвистической оси псевдотожества сквозь призму первоэлементов бытия в речи Н. Гумилева и В. Хлебникова позволяет выделить по три у каждого автора преобладающих типа переосмыслений (Н. Гумилев – анимальный, антропоморфный, космологический; В. Хлебников – антропоморфный, анимально-орнитальный, артефактуальный), связанных с общей концептуальной направленностью авторских поэтических систем (детальнее об этом в других наших работах [4], [5]).

Литература

1. Гумилев Н. Стихи. Поэмы / Гумилев Н. ; Ред. В. П. Енишерлов. – Тбилиси : Мерани, 1989. – 496 с.
2. Колесник Д. М. Концептуальный простір авторської метафори у творчості А. Мердок: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Черкаси, 1996. – 18 с.
3. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
4. Петриченко О. А. Архетипические образы первоэлементов Бытия: предконцепт в мифе восточных славян и реализация в авторских текстах (на материале поэзии Н. Гумилева) // Слов'янський вісник: Зб. наук. праць. – Сер. "Філологічні науки". – Вип. 4. – Рівне, 2003. – С. 127-130.
5. Петриченко О. А. Особенности поэтики Велимира Хлебникова сквозь призму образов первоэлементов Бытия // Мова: Наук.-теор. часопис з мовознавства. – № 7 : Текст і його складники. – Одеса : Астропринт, 2002. – С. 174-178.
6. Хлебников В. Творения / Общ. ред. М. Я. Полякова. – М. : Сов. писатель, 1986. – 736 с.

7. Шитикова Е. В. Процесс формирования метафорического значения : Когнитивный аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 19 с.

8. Яценко Т. А. Мифологические основы метафоры обусловленности // Система і структура східнослов'янських мов : [зб. наук. праць]. – К. : Знання України, 2004. – С. 267-272.

Petrychenko O. A. The specialties of re-creation of prime -vital elements' images in the language of N. Gumilyov and V. Khlebnikov

The article is dedicated to the analysis of metaphorical conceptualization of the Water, Fire, Earth and Air Images. The basic point is in the correlations between the main types of re-creation and the whole authors' poetic system management.

Key words: conceptual metaphor, poetical language, image, poetical text.

Петриченко О. А. Особливості переосмислення образів першоелементів буття у мові М. Гумільова та В. Хлебникова

У статті проаналізовано метафоричне концептування образів води, вогню, землі та повітря. Основна ідея полягає у співвіднесенні провідних типів переосмислень із загальною налаштованістю авторських поетичних систем.

Ключові слова: концептуальна метафора, художня мова, образ, поетичний текст.